

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Толстые - Возникновение журнала "Современник" -

- Поэт Щербина - Писемский ~ Белинский за границей

В имении Толстых нам всем жилось хорошо. Хозяева старались предоставить своим гостям все удобства деревенских развлечений и полную свободу проводить время, как кто желал: Некрасов охотился, Панаев, любитель длинных прогулок, выхаживал по 25 верст и был в восхищении от живописных видов в окрестностях. Я ездила верхом и удила рыбу. Книг, журналов, газет было вдоволь, а за обедом и ужином, когда все собирались вместе, завязывались жаркие разговоры о разных тогдашних вопросах. Сами хозяева целое утро были заняты; у них много было дела, потому что они не держали управляющего, находя, что помещики обязаны иметь непосредственное сношение с своими крестьянами и что трудно уследить, чтобы управляющий не злоупотреблял своей властью над крестьянами.

Кроме деревенского хозяйства, Толстые были заняты еще лечением; множество больных отовсюду являлись к ним. Они пробовали нанимать фельдшера для своих крестьян, но постоянно попадался или пьяница, или лентяй, или грубый в обхождении с больными, с которых не дозволялось брать никаких поборов. Толстые сами прочли множество руководств о домашнем лечении, а живя два года за границей, прошли фельдшерский курс, учились в заграничных больницах перевязывать раны, пускать кровь, одним словом, подавать первоначальную помощь в несчастных случаях. В их аптеке был обширный запас лекарств и даже заведен был тарантас, приспособленный для спокойного отправления больного в городскую больницу.

Зимой на барском дворе во флигеле открывалась школа, куда крестьяне, если хотели, могли посылать своих детей учиться. Толстые предоставили самим крестьянам разбирать возникавшие между ними тяжёлые дела и подвергать виновных взысканиям, но крестьяне по привычке шли судиться к помещикам и этим отнимали у них много времени. Дворни у Толстых было немного, и каждый служащий получал жалованье, как вольная прислуга. Барщины и каких-либо поборов с баб, конечно, не существовало. Такие нововведения в управлении крестьянами возбуждали бесконечные толки в губернии; все соседи Толстых, крепостники-помещики, были страшно озлоблены на них, находя, что они подрывают помещичью власть. На Толстых сыпались нелепые доносы, будто они, под видом лечения, собирают к себе народ и толкуют о воле, возбуждают к неповиновению и т.п.

Толстые знали о доносах и о том, что за ними зорко следят, и потому были осторожны.

Некрасов получил письмо от Белинского, который совершенно случайно уехал из Петербурга с Щепкиным, отправившимся на два месяца гастролировать в большие южные города. Перед нашим отъездом из Москвы Щепкин сообщил нам о своем намерении совершить прогулку в провинцию.

- Вот вы бы, Михаил Семенович, - сказал Панаев, - захватили Белинского с собой, ему необходимо проехаться и освежиться.

Щепкин очень обрадовался этой мысли и написал Белинскому, который охотно принял его предложение, тем более, что на эту поездку не требовалось расходов. За ужином, по поводу письма, полученного от Белинского, речь зашла о нем. Толстые высказали свое удивление, каким образом до сих пор в кружке Белинского никто из литераторов не начал издавать журнала, хотя бы на паях, как это делается в Париже. Некрасов заметил на это, что многое, применимое за границей, еще недоступно для России.

- Если бы русские литераторы надумали издавать на паях журнал, - прибавил он, - то оправдали бы пословицу: у семи нянек всегда дитя без глаза. Я много раз рассуждал с Белинским об основании нового журнала, но осуществить нашу заветную мечту, к несчастью, невозможно без денег.

- Предприимчивости, как видно, нет в вас, господа, - сказал Толстой [112].

- Денег нет, да и трудно конкурировать теперь с "Отечественными Записками", упрочившими себе твердое положение, - возразил Панаев.

- Да кто его упрочил?

- Белинский и большая часть сотрудников из его кружка, - заметили Толстые.

- Смешно бояться конкуренции, - подсказал Некрасов, - у "Отечественных Записок" могут быть свои подписчики, а у нового журнала - свои. Не испугался же Краевский конкуренции "Библиотеки для Чтения" и с грошами начал издавать "Отечественные Записки".

- Ему легко было, - возразил Панаев. - Он первые года даром получал большую часть материала для своего журнала, а если и платил сотрудникам, то ничтожную плату.

- Если такое бескорыстное участие принимали литераторы в успехе "Отечественных Записок", как же не рассчитывать на еще большую поддержку новому журналу, где во главе сотрудников будет Белинский? - заметил Толстой.

- Ну, теперь рассчитывать на даровой материал не следует, - сказал Некрасов. - Да не в этом дело, а в том, что без денег нельзя начинать издания.

- А много нужно для начала? - спросил Толстой. Некрасов стал считать, во что должна приблизительно обойтись каждая книжка журнала.

- За печать и бумагу, - прибавил он, - можно уплачивать половину каждый месяц, а остальную часть перевести на следующий год.

- А если подписка на журнал на следующий год будет плохая, чем же уплачивать долг? - заметил Панаев.

- Почему же не рассчитывать на успех журнала, если добросовестно издавать его, и если все литературные друзья Белинского приложат свои старания? Риск - дело благородное, потребность к чтению сильно развилась за последние годы. Ведь мне от "Петербургского сборника" предсказывали одни убытки, а если бы я не струсил и напечатал на полторы тысячи экземпляров больше, то все были бы раскуплены. Если бы явился новый журнал с современным направлением, то читатели нашлись бы. С каждым днем заметно назревают все новые и новые общественные вопросы; надо заняться ими не с снотворным педантизмом, а с огнем, чтобы он наэлектризовал читателей, пробудил бы в них жажду к деятельности. Лиха беда начать дело, а продолжать его будет уже легко.

Белинский и Панаев сильно уверовали в литературную предприимчивость Некрасова после изданного им "Петербургского сборника", который быстро раскупался. Оба они знали, с какими ничтожными деньгами он предпринял это издание и как сумел извернуться и добыть кредит.

- Если бы у меня были деньги, - произнес со вздохом Панаев, - я ни минуты не задумался бы издавать журнал вместе с Некрасовым. Один я не способен на такое хлопотливое дело, а тем более вести хозяйственную часть.

- Была бы охота, а деньги у тебя есть! - сказала я, не придавая никакого серьезного значения своим словам.

- Какие деньги? - спросил с удивлением меня Панаев.

- Продай лес и на эти деньги издавай журнал. Толстые подхватили мои слова и стали приставать к

Панаеву, почему бы ему в самом деле не употребить свои деньги на хорошее дело.

- Не увидите, как проживете их, - говорили они.

- Нет, нет! - возразил Панаев, - эти деньги по вашему же совету я внесу в Опекунский Совет, чтобы не так тяжело было бы платить проценты за заложенное имение.

Пока у него не было денег в руках, он всегда благоразумно рассуждал об экономии.

- Разрешите Панаеву употребить деньги, вырученные за продажу леса, на журнал, как на дело хорошее? - обратился ко мне Толстой.

- Охотно! - отвечала я.

- Так, господа, по рукам! - воскликнули Толстые, - **что** тут раздумывать!

- Разве хватит таких денег? - обратился Панаев с вопросом к Некрасову.

- Хватит, хватит! - ответил тот. - Кредитоваться будем.

Панаев протянул руку Некрасову и произнес:

- Идет! Будем вместе издавать.

Толстые розняли руки по русскому обычаю и радостно произнесли: "ура!"

Мне не верилось, что из этого разговора выйдет что-нибудь.

Некрасов, весь сияющий, сказал Панаеву:

- Деньги не пропадут, только надо энергичически взяться за дело.

Панаев тотчас же заговорил, что надо написать Белинскому, но Некрасов возразил, что прежде надо хорошенько обсудить дело и лучше всего лично переговорить с Белинским. Он упрямил Панаева никому из своих приятелей не писать об их планах.

Мы засиделись почти до рассвета, ведя разговоры о новом журнале. Возник вопрос, у кого купить право, так как новых журналов в то время не разрешали издавать. Перебирали разные журналы, которые находились в летаргическом сне, но ни один не оказывался подходящим. Уже стали прощаться, чтобы идти спать, как вдруг Панаев воскликнул:

- Нашел! "Современник"! Некрасов радостно сказал:

- Чего же лучше! Как это сразу не пришел нам в голову "Современник"?

И снова затянулся разговор[113].

Право на "Современник" принадлежало П.А.Плетневу, с которым Панаев давно был знаком. Все так были возбуждены, что забыли о сне. Толстые вставали рано и нашли, что не стоит ложиться спать на каких-нибудь два часа, и потребовали чаю, так что солнце совсем вошло, когда мы стали расходиться.

Некрасов, выйдя на террасу, сказал:

- Посмотрите, господа, как великолепно сегодня сияет солнце! После трех дней пасмурной погоды оно предсказывает успех нашему журналу[114].

Некрасов решил ехать скорее в Петербург, чтобы переговорить с Белинским и начать хлопоты по журналу. Толстые шутили над ним, уговаривая его остаться еще недельки на две, так как в конце августа была самая лучшая охота.

- До охоты ли мне теперь! - отвечал Некрасов, не поняв шутки. - Не знаю, как дождаться того дня, как увижу первый номер "Современника"!

Панаеву же надо было дожидаться денег от продажи леса.

Уезжая из деревни, Некрасов просил Панаева не засиживаться в Москве и не проболтаться о затеваемом деле.

Однако мы прожили в Москве с неделю; от Белинского Панаев получил письмо, где он делал ему строгий выговор за то, что он бьет баклуши в Москве, когда нужно скорее дело делать. Белинский боялся, чтобы Панаев по своей барской привычке не истратил деньги на Пустяки. Он убеждал его быть экономным, брать пример с Некрасова, который всецело отдался делу. Белинский писал, что ему иногда не верится, что издание журнала не сон, а действительность, что он ожил и снова почувствовал рвение к работе.

"Скорей, скорей приезжайте в Петербург, - писал Белинский. - и сейчас же поезжайте к Плетневу. Так и знайте, Панаев, что, если вы по своей ветренности не приобретете от Плетнева "Современника", я вас прокляну! Я ночи не сплю от страха: ну, если кто-нибудь уже купил у Плетнева право на "Современник"! Легко может случиться, что кому-нибудь другому также пришла мысль издавать журнал. Конечно, "Современник" единственный журнал, который самый подходящий по своей литературной репутации. Пока не покончите с Плетневым, до тех пор не буду спать покойно. Я так напуган всякими скверностями, какие проделывает со мной моя мачеха-судьба, что мне все кажется: какая-нибудь каверза подвернется, и все дело пропадет!.. Дрожь пробирает меня, когда подобная мысль приходит мне в голову. Вы ведь не можете понять, что значило бы для меня теперь расстаться с надеждой работать для "Современника".

Белинский встретил Панаева в день его приезда из Москвы со словами:

- Черт вас знает, зачем вы застряли в Москве! Завтра же отправляйтесь к Плетневу!

Я не нашла, чтобы поездка с Щепкиным принесла Белинскому пользу; хотя он был необыкновенно оживлен, но припадки кашля очень усилились, так что он долго не мог отдышаться после приступа кашля. Я спросила Белинского, доволен ли он своим путешествием.

- Сто раз каялся, что поехал; хорош отдых - из одного города в другой скакать; всю грудь, все бока отколотило. Приехав в Петербург, думал, что слягу в постель, да Некрасов явился с радостным известием, я и ожил.

В самом деле, никто не сообразил, что для здоровья Белинского утомление от дорог было вредно; тогда еще не было удобных сообщений, и приходилось путешествовать на лошадах.

- Да-с, - самодовольно улыбаясь, говорил Белинский, - и на нашей улице будет праздник! Просветлела моя жизнь, точно тяжелый камень сняли у меня с груди. Теперь я опять почувствовал энергию к работе, в моей голове снова прояснилось, а то она будто была набита рубленой соломой.

- Нет, хороши московские приятели! - заметил Белинский, когда зашла речь о Москве. - Хоть бы один исполнил свое обещание, что по возвращении моем в Москву с Щепкиным, они

мне вручат свои рукописи для моего альманаха. Ну, хорошо, что подоспел "Современник"; а то славно они меня прихлопнули бы. Добро бы люди были занятые, а то сидят сложа руки, Нет, с такими людьми поговорить приятно, но дело с ними иметь беда.

Некрасов купил для "Современника" у Белинского все статьи, обещанные ему его московскими и петербургскими приятелями. За сотрудничество Белинского в "Современнике" была положена плата восемь тысяч рублей в год. Эта цифра 40 лет тому назад казалась баснословной [115]. Сами друзья Белинского удивлялись щедрости издателей журнала, а один из них с жалостью говорил Панаеву:

- Это сумасшествие с твоей стороны - так швырять деньгами.

- Если хорошо пойдет журнал, - отвечал Панаев, - мы еще прибавим; мы сами литераторы, стыдно усчитывать сотрудников.

- Так я тебе предсказываю, что ты гроша не будешь иметь барыша от журнала, если так будешь роскошничать. И что это Некрасов смотрит? - он человек коммерческий. Нельзя, нельзя так вести денежные дела, будет банкротство журнала, помянете меня, да поздно будет, что не послушались моего благоразумного совета. Жаль, очень жаль тебя, любезнейший Панаев, - там, где люди наживают деньги, ты прогоришь!

Но за первую же статью, которую поместил в "Современнике" этот благоразумный советник, он потребовал прибавки за лист, говоря Некрасову:

- Если я отнесу мою статью в "Отечественные Записки", мне с радостью еще дороже дадут!

С появлением "Современника" быстро поднялась цена на литературный труд.

На другой же день после своего приезда - утром Панаев отправился к Плетневу. Белинский, в ожидании возвращения Панаева домой, все время страшно волновался и, когда Панаев вернулся, то выскочил в переднюю с вопросом:

- Наш "Современник"?

- Наш, наш! - отвечал Панаев. Белинский радостно вздохнул.

- Уф! - воскликнул он, - я измучился... мне все казалось, что уже у нас его кто-нибудь переб...

Он не окончил фразы.

Сильный приступ кашля стал душить его. Он весь побагровел от натуги и махал рукой Панаеву, который начал было передавать Некрасову свой разговор с Плетневым. После этих приступов кашля Белинский всегда долго не мог отдышаться и с передышкой произнес:

- Ну... теперь рассказывайте.

Белинский возмутился, что Плетнев выговаривал себе четыре тысячи в год за право и едва согласился на три [116].

- Нелепое запрещение издавать новые журналы развивает в литературе ростовщичество, но что поделаешь! Надо, господа, соглашаться - пусть его подавится этими тремя тысячами!

Страшным ударом для Белинского было, когда в цензурном комитете нашли, что Панаев и Некрасов не настолько благонадежные люди, чтобы их можно было утвердить редакторами.

О редакторстве Белинского нечего было и думать, потому что "Северная Пчела" уже несколько лет постоянно печатно твердила о зловредном направлении его статей; беспрестанно писались куда следует доносы, с указанием на статьи, в которых он будто бы проповедует безбожие, безнравственность и глумится над патриархальными чувствами русских и т.д.

Надо было приискать подходящего человека, которому разрешили бы редактировать "Современник". Обратились к А.В.Никитинке; он согласился. Белинский кипятился, что прибавится еще новый тысячный расход на фиктивного редактора, но делать было нечего.

Понятно, что слухи о намерении Некрасова и Панаева издавать "Современник" породили толки в разных литературных кружках. Сначала многие не верили, но потом стали смеяться, говоря, что ничего дельного не выйдет из планов Некрасова и Панаева. Белинскому передавали эти сплетни, и он говорил: "Пусть их смеются и не верят, а как мы им преподнесем первый номер "Современника", так позеленеют от злости".

Белинский письменно отказался от сотрудничества в "Отечественных Записках", но это была только одна формальность, потому что все знали, что он будет сотрудничать в "Современнике". Некрасов велел печатать объявления об издании "Современника" в громадном числе; они помещались почти во всех тогдашних журналах и газетах [117]. Панаев находил, что это стоит очень дорого и вовсе ненужно, но Белинский ему возразил:

- Нам с вами нечего учить Некрасова; ну, что мы смыслим! мы младенцы в коммерческом расчете: сумели ли бы мы с вами устроить такой кредит в типографии и с бумажным фабрикантом, как он? Нам на рубль не дали бы кредиту, а он устроил так, что на тысячи может кредитоваться. Нам уж в хозяйственную часть нечего и соваться.

Такая масса объявлений об издании "Современника" дала повод литературным врагам глумиться печатно над издателями. Говорили, например, что они апраксинские молодцы, которые с нахальством тащут в свою лавку всякого проходящего и расхваливают свой товар и т.д. Панаев вкусил первые кислые плоды журнальной деятельности; притом же ему задал головомойку его превосходительный дядюшка В.И.Панаев, бывший литератор, воспевавший аркадских пастушков и пастушек. Дядя-генерал находил, что его племянник позорит старинную потомственную дворянскую фамилию, которую имел счастье носить, связавшись с разночинцами и торгашами. В.И.Панаев не признавал современную литературу; по его мнению. Гоголю надо было запретить писать, потому что от всех его сочинений пахнет тем же запахом, как от лакея Чичикова. Он приходил в ужас оттого, что "Ревизора" дозволили играть на сцене. По его мнению, это была безобразная карикатура на администрацию всей России, которая охраняет общественный порядок, трудится для пользы отечества, и вдруг какой-то коллежский регистратор дерзает осмеивать не только низший класс чиновников, но даже самих губернаторов. В.И.Панаев занимал видное место по службе, был в генеральском чине, считал себя очень важным лицом в администрации и очень заботился о сохранении почета, который обязаны все оказывать таким лицам.

О Белинском он не мог иначе говорить, как с пеной у рта, потому что тот в своих статьях осмеял прежних слащавых писателей, воспевавших пастушков и пастушек. Авторское самолюбие В.И.Панаева было страшно оскорблено: как осмелился какой-то недоучившийся разночинец смеяться над его литературными заслугами.

"Намордник следует надеть такому писаке, - твердил он, - на цепь его посадить, а ему дозволяют печатать. До чего теперь дошла литература! появились в ней разночинцы, мещане! Прежде все литераторы были из привилегированного класса и потому в ней была благонадежность, сюжеты брались сочинителями нравственные, а теперь мерзость, грязь одну описывают. Распушенность, страшная распушенность допущена, необходимо надо наложить узду на нынешних писак! Просто срам - такое лицо, как Жуковский, сажает мужика в свою коляску, потому что он, видите ли, мужицкие стишки пописывает".

Впрочем, такое мнение о распушенности в литературе высказывал тогда не один В.И.Панаев.

Подписка на "Современник" шла хорошо. Некрасов хотел было значительно понизить подписную годовую плату, но Белинский побоялся, что не хватит денег, и потому плата была назначена в 16 руб. 30 коп. в год, тогда как плата за "Отечественные Записки" была 17 руб. 50 коп. Недоброжелатели всеми способами старались повредить успеху дела, распускали самые неблагоприятные слухи, будто бы издатели нового журнала люди несостоятельные, что деньги подписчиков пропадут и т.д., но это очень мало влияло на ход подписки.

Тургенев, вернувшись поздней осенью из деревни, шумно выражал свою радость по поводу задуманного | издания "Современника". Белинский ему заметил:

- Вы не словами высказывайте свое участие, а на деле.

- Даю вам честное слово, что я буду самым ревностным сотрудником будущего "Современника".

- Не такое ли даете слово, какое вы мне дали, уезжая в деревню, что, возвратясь, вручите мне ваш рассказ для моего альманаха? - спросил ироническим тоном Белинский.

- Он у меня написан для вас, только надо его обделать...

- Лучше уж прямо сознались бы, что он не окончен, чем вилить.

- Клянусь вам, что осталось работы не более, как на неделю.

- Знаю я вас, пойдете шляться по светским салончикам! Кажется, не мало времени сидели в деревне, и то не могли окончить!

Тургенев клялся, что с завтрашнего утра засядет за работу и, пока не окончит, сам никуда не выйдет и к себе никого не примет. Белинский на это ответил:

- Все вы одного поля ягоды: на словах любите разводить бобы, а чуть коснулось дела, так не шевельнут и пальцем... Да и я-то хорош гусь! кажется, не первый день вас всех знаю, а имел глупость рассчитывать на ваше обещание... Ну, смотрите, Тургенев, если вы не сдержите своего обещания, что все вами написанное будет исключительно печататься в "Современнике", то так и знайте, - я вам руки не подам, не пушу на порог своего дома!

Все присутствующие улыбались на угрозы Белинского.

- Я вас ведь лучше знаю, чем вы сами себя! - продолжал он. - Когда вам приспичит пофорсить перед вашими знакомыми, а в кармане не будет денег, так вы не только побежите запродать свой рассказ в "Отечественные Записки", но даже в "Северную Пчелу"!

Все расхохотались. Белинский также засмеялся над своими словами и потом продолжал:

- Без шуток, господа, надо всем нам приложить все старание, чтобы "Современник" был хорошим журналом. вспомните, как все мы вздыхали да охали, что у нас нет своего журнала: ну вот, наше желание исполнилось, так нам и надо сообща стараться, чтобы каждый номер "Современника" был бы полон жизни и честного направления.

- Господа, я первый даю клятву, что ни одной строки моей не будет нигде напечатано, кроме "Современника", - воскликнул Тургенев и, обращаясь к Белинскому, сказал: - неверующий Фома, довольны?

Белинский, улыбаясь, произнес:

- Посмотрим, сдержите ли вы свою клятву. Панаев поступил легкомысленно в одном деле, которое, в сущности, вредило только ему самому. В его отсутствие приятели заговорили об этом с Белинским.

- Господа! - заметил Белинский. - Я думаю, никто из вас так не озлоблялся, как я, на легкомысленность Панаева. Он страшно вредит сам себе и дает ничтожным людишкам, не стоящим подметок его сапогов, повод глумиться над ним. Незлобивостью характера Панаев уподобляется младенцу, теплота его сердца самая редкая в наше время, в которое эгоизм заглушает в людях все человеческие чувства. Я эту сердечную теплоту Панаева испытал на себе. Да, господа, никто из моих приятелей не сделал мне лично столько услуг, как Панаев! Когда я бедствовал в Москве, кто принял во мне самое горячее участие - Панаев! Заметьте, он только что меня узнал! Ничего не значит, что я часто ругаю его за его мальчишеские замашки и, вероятно, не мало еще буду бранить, но в душе я высоко ценю его сердечную теплоту к людям... Вот и теперь, господа, из всего нашего кружка кто осуществил наше желание издавать журнал? Все тот же легкомысленный Панаев! Я не говорю о себе, какое важное значение для меня имеет это предприятие, но оно важно и для всех литераторов, потому что "Современник" положит конец тем ненормальным отношениям сотрудников к журналисту, в которых мы все находились [118]. Необходимо должна быть нравственная связь между журналистом и его сотрудниками, а не хозяина к поденщикам. В нашем кружке находятся люди посolidнее и побогаче Панаева, однако никто не рискнул своими деньгами, никому не пришло в голову издавать журнал. А по тому, господа, мы все должны сказать от чистого сердца:

"Да отпустятся ему все его вольные и невольные грехи за его отзывчивую и бескорыстную теплоту души!"

Всех присутствующих поразила речь Белинского, потому что никто не обращал внимания на хорошие черты характера Панаева, а все подмечали лишь одни его слабые стороны и почему-то относились к ним с беспощадной строгостью, - особенно те люди, которые сами имели эти же слабости, но в еще большей степени. Беспощадная строгость в кружке к Панаеву легко объяснялась тем, что он не был способен мстить, тогда как о слабостях других боялись и заикнуться, зная наверно, что это не пройдет даром.

Белинский раз сердился на Панаева за то, что он хлопотал о месте для одной плутоватой личности.

- Приди к Панаеву его самый злейший враг и попроси похлопотать о нем, он все забудет и будет лезть из кожи, чтобы оказать ему услугу, - заметил при этом случае Белинский.

Все считали как бы обязанностью Панаева оказывать услуги и, кроме него, не обращались ни к кому другому.

Поэту Н.Ф.Щербине передали, что Панаев посмеялся над его манишками и пестрыми жилетами. Щербина очень оскорбился и мстил ему за это эпиграммами и рассказами о его слабости к франтовству [119], но когда Щербина бедствовал, то обратился к Панаеву с просьбой, чтобы он съездил к одному важному лицу и отрекомендовал бы его на вакантное место. Панаев сейчас же исполнил его просьбу, дал самую лучшую о нем рекомендацию и даже прибавил, что Щербина его очень хороший приятель. Панаеву в голову не приходило рисоваться своими хорошими поступками или окружить себя приживальщиками, которые бы трезвонили о них на всех перекрестках. Кажется, он мог бы по крайней мере требовать от тех, которые постоянно ели и пили у него, чтобы они хоть не сплетничали на него. Я думаю, не было другого литератора, у которого для всех нуждающихся всегда был бы готов приют, помощь и готовность на всякие услуги.

Когда в 1857 году морское министерство обратилось к Панаеву с просьбой рекомендовать благонадежных и способных писателей для командировки их на чрезвычайно выгодных условиях по окраинам России с целью описания разных местностей, Панаев в числе других рекомендовал А.Ф.Писемского, по усиленной просьбе последнего. Писемский уехал и затем не подавал о себе никаких вестей. Наконец, возвратясь в Петербург, он не представил в

морское ведомство ни одной строки. По этому поводу Панаеву делали запросы, и он, в свою очередь, стал напоминать Писемскому.

- Что вы ко мне пристаёте, Панаев! - отвечал тот. - Угодничаёте там, а я должен для вас бросить начатый свой роман! Черта с два!

Панаев доказывал Писемскому, что на нем лежит нравственная обязанность доставить описание своей поездки в морское ведомство, и при этом сослался на других литераторов, приславших свои рукописи даже с места своей командировки.

- Мне не указ другие! Наплевать, что на меня претендует ваше морское ведомство. Когда захочу, тогда и пошлю свою статью. Я не намерен ни перед кем вилять хвостом.

В самом деле, Писемскому трудно было приняться за описание местности, куда он был командирован: он пробыл в ней всего с неделю, так как застрял где-то по дороге, истратил все деньги, и ему не с чем было разъезжать для осмотра и изучения того, что было нужно [120].

Писемский, как известно, отличался бесцеремонностью в своих манерах и разговорах.

Тургенев более всех возмущался этими качествами Писемского. После вечера в одном светском салончике, где Писемский читал свой новый роман, Тургенев, явившись на другой день к Панаеву, в отчаянии говорил:

- Нет, господа, я более ни за какие блага в мире нигде не буду присутствовать при чтении Писемского, кроме как в нашем кружке. Это из рук вон, до чего он неприличен! Я готов был сквозь землю провалиться от стыда. Вообразите, явился читать свой роман, страдая расстройством желудка, по обыкновению, рыгал поминутно, выскакивал из комнаты и, возвращаясь, оправлял свой туалет - при дамах! Наконец, к довершению всего, потребовал себе рюмку водки, каково? Судите, господа, мое положение! - плачевным голосом произнес Тургенев. - И какая бестактность, валяет себе главу за главой, все утомились, зевают, а он читает да читает. Хозяйку дома довел до мигрени... Боже мой, уродятся же на свете такие оболтусы! Мне, право, стыдно теперь показаться в этот дом. И какая у Писемского убийственная страсть всюду навязываться читать свои произведения? Нет!.. Я теперь проучен, не покажусь нигде в обществе, если узнаю, что там находится Писемский.

Что касается Писемского, то он остался очень доволен своим чтением и рассказывал, что произвел фурор.

-Спросите Тургенева! - ссылался он. - Когда мы вышли вместе, то дорогой он мне передал, что мой роман пронял даже бабье. Он уверяет, что этот роман в тысячу раз будет выше моего "Тюфяка". Да я и сам сознаю, что создал важную вещь.

После ужина Писемский заговорил с важностью:

- Господа, намотайте себе на ус, я ведь за этот роман назначу высокую плату за лист. Дудки, я теперь цену себе знаю. Уж разведчики засылались ко мне из "Отечественных Записок" выпытать, сколько я хочу взять за роман. Тургеневу вы платите дороже с листа, потому что он умеет, шельма, облапошивать вас, и я согласен с ним, что надо с вас лупить побольше! Ведь в сущности Тургенев только эпизодики пишет, а я создаю цельную жизнь в своем романе - это поважнее. Значит, я-то еще более имею, права содрать с вас хорошую деньгу. Баста, больше простофилей не буду... нажмем вас! ведь без нас вы пропадете... Тургенев тонкий дипломат, он вразумил меня, .что вам пальца в рот не клади.

Так как Писемский говорил это после ужина, то его В словам о Тургеневе не придали никакого значения и посмеялись. Когда затем рассказ Писемского был сообщен в виде шутки Тургеневу, последний ужасно взбесился.

- Да этот оболтус еще враль, хвастунишка! Нет, я отобью у него охоту выставлять меня своим другом!

Тургенева успокаивали, но он в волнении шагал по комнате и продолжал говорить:

- Только мне такое несчастье выпадает: все лезут ко мне в дружбу. Этот оболтус вздумал чуть не каждое утро являться ко мне; не знаешь, как его спровадить от себя, до такой степени он надоедает своей грубой руготней; нет человека из нашего кружка, которого бы он не выругал площадным образом. Это, господа, литературный Собакевич [121].

Тургенев находил, что произведения Писемского так же топорны, как и он сам.

- Заметьте, - горячился он, - что все его героини выражают благородство своей души пощечинами; меня удивляет, как его героини еще не ругаются площадными словами в поэтических сценах со своими возлюбленными. К чему он берется описывать порядочных женщин и общество, о котором не имеет никакого понятия?

Когда вышел первый номер "Современника", то Белинский смотрел на книжку с таким умилением, с каким смотрит отец на своего первенца, только что появившегося на свет. По случаю выхода "Современника" был дан обед в редакции, и с тех пор установился обычай, продолжавшийся много лет, - делать обеды сотрудникам каждый месяц.

По тесноте квартиры не было возможности скрыть что-либо, происходившее в редакции "Современника".

Любители-вестовщики передавали в редакцию "Отечественных Записок", какие статьи заготавливаются на будущий номер и что говорится при этом, а затем, прибегая из редакции "Отечественных Записок", передавали, что там говорилось о "Современнике" и его издателях, конечно, с разными прибавлениями; все это делалось под видом живого участия.

Белинский сердился, что у Панаева бывает так много гостей.

- Придешь поговорить о деле, а у вас непротолченная труба народу!

Для меня, как хозяйки дома, было много хлопот. Я должна была принимать гостей, выслушивать всевозможные сплетни, заботиться об обедах, об ужинах и при этом по возможности экономить.

Не помню, в каком месяце, феврале или марте [122], приехал в Петербург Герцен и остановился у нас. Я удивлялась, как Герцен мог обходиться без сна, потому что выпадали дни, когда он положительно не ложился в постель. Бывало, гости засидятся до двух, трех часов ночи, а он вдруг вздумает идти освежиться на воздух, возвращается часов в восемь утра и начинает стучаться ко мне в дверь, стыдя, что я так долго сплю, что уже пора пить чай. Когда я выходила, он пресерьезно говорил:

- Знаете ли, самая здоровая вещь - вставать рано утром; посмотрите, какой у меня свежий цвет лица, а все оттого, что я рано встаю.

Когда между Белинским и Герценом завязывался спор, то все присутствующие внимательно их слушали. Герцен, по живости своей природы, не мог долго усидеть на одном месте и разговаривал всегда стоя. Если Белинский сильно горячился и закашливался, Герцен говорил какую-нибудь остроту, которая смешила Белинского и других, и спор делался хладнокровнее. Как-то раз, по уходе Белинского, Герцен заметил:

- Господа, а ведь у Белинского кашель-то скверный.

- Да, - отвечал Некрасов, - его кашель пугает нас; необходимо отправить его за границу лечиться.

- Как же вы обойдетесь без него? - спросил Герцен.

- Что делать, как-нибудь обойдемся, нельзя же запускать такой кашель. Ему вредно всякое волнение, а он из всякого пустяка в "Современнике" кипит.

- Но ведь на отправку его понадобится порядочная сумма денег? - заметил Герцен.

- В этом году трудно будет его отправить, - сказал Панаев, - но на будущий год, вероятно, подписка на журнал увеличится, тогда и явится возможность отправить его лечиться. Только поедет ли?

- Это почему не поедет? - спросил Герцен.

- Точно вы не знаете его деликатности, - отвечал Панаев. - Я было попробовал заговорить с ним о заграничной поездке, так он даже рассердился, укоряя, что мы уже вообразили себя капиталистами; да и "Современник" он ни за что не оставит, хотя Некрасов имеет все данные для того, чтобы хорошо вести журнальное дело, но все-таки может, по неопытности, сделать промах, а при той враждебности, с которой многие литераторы смотрят на "Современник", этот промах даст им возможность разгуляться во всю над журналом.

Герцен советовал устроить консультацию из лучших докторов, но Некрасов заметил на это, что таким предложением можно очень напугать Белинского.

- Употребите хитрость, пригласите докторов, а его заманите к себе - будто бы по делу.

- Догадается, - сказал Некрасов.

- Можно сказать... ну, хоть... что я для себя созвал докторов, - ответил Герцен. Все засмеялись.

- Что вы смеетесь, господа, - продолжал он, - право, у меня очень серьезная болезнь - ведь вы сами знаете, что я не сплю по ночам!

Трудно было исполнить совет Герцена, относительно консультации докторов, потому что Белинский был убежден, что его кашель происходит просто от застаревшего желудочного катара, и находился постоянно в такой возбужденной деятельности, что не обращал внимания на свое здоровье, а если чувствовал упадок сил, то приписывал это простуде или нервному раздражению от неприятностей.

После отъезда Герцена у нас водворилась какая-то тишина и пустота, потому что он необыкновенной живостью своего характера оживлял всех, а после его остроумных разговоров казалось, что все другие говорят вяло, как-то размазывают свою мысль, тогда как Герцен передавал ее всегда сжато, рельефно и блестяще; она сверкала, точно молния.

Герцен приезжал в Петербург по делам и, кстати, хлопотал о разрешении ехать за границу, чего вскоре и добился.

С первого же года "Современнику" повезло. В февральской книжке 1847 года был напечатан роман Гончарова "Обыкновенная история", имевший огромный успех. Боже мой! Как заволновались любознательные литераторы. Они старались разведать настоящую и прошлую жизнь нового писателя, к какому сословию он принадлежит по рождению, в какой среде вращается и т.п. Многие были недовольны сдержанностью характера Гончарова и приписывали это его апатичности. Тургенев объявил, что он со всех сторон "штудировал" Гончарова и пришел к заключению, что он в душе чиновник, что его кругозор ограничивается

мелкими интересами, что в его натуре нет никаких порывов, что он совершенно доволен своим мизерным миром и его не интересуют никакие общественные вопросы, "он даже как-то боится разговаривать о них, чтоб не потерять благонамеренность чиновника. Такой человек далеко не пойдет! - посмотрите, что он застрянет на первом своем произведении".

Странно, что предсказания Тургенева о литературной будущности его современников почти никогда не оправдывались. Например, приведя к Панаеву знакомиться Апухтина, тогда еще юного правоведа, он предсказывал, что такой поэтический талант, каким обладает Апухтин, составит в литературе эпоху и что Апухтин своими стихами приобретет такую же известность, как Пушкин и Лермонтов. Объяснить подобную странность в Тургеневе можно тем, что он сильно увлекался первыми впечатлениями, потому что никак нельзя было заподозрить его в отсутствии художнического литературного понимания. Он был прекрасно образован, много читал, сам был тонким художником в своих произведениях и когда говорил об иностранной или русской литературе, то видно было, что он тонкий и строгий ценитель.

Расскажу один эпизод, случившийся с Тургеневым. Он знал, что на следующий номер "Современника" не имелось ничего хорошего для отдела беллетристики, приходилось печатать плохенькую повесть, и вот он прибегает в редакцию и радостно объявляет Некрасову, что вчера в одном светском обществе он присутствовал при чтении одним молодым автором его первого произведения, что это такая прелесть, после которой он должен изломать свое перо, чтобы не осрамиться перед таким новым талантом, и советовал Некрасову поспешить приобрести эту повесть, заверяя, что она сразу прибавит 300 подписчиков. Некрасов обрадовался, просил Тургенева похлопотать, чтобы эта повесть попала в "Современник", и даже сделал распоряжение в типографии, чтобы прекратили набор данной им раньше повести. Оказалось, что хваленая повесть еще была не окончена, и автор сам через полторы недели привез ее в редакцию. Это был московский молодой франтик, подъехавший в карете четверней, потому что остановился у своей тетушки старушки, которая иначе не выезжала, как с фореитором. Некрасов, не прочитав рукописи, немедленно послал в типографию набирать, потому что ожидание этой повести и так задержало выход книжки. Когда принесли из типографии корректуру, Некрасов пришел в отчаяние. Все действующие лица в повести были графы, камергеры, графини, княгини; герой и героиня выражались до того высокопарно, что возбуждали смех; кроме вычурного слога, повесть была пересыпана массой каких-то туманных философских рассуждений.

Когда Тургенев пришел к обеду, Некрасов, не говоря ни слова, прочел ему выдержки из этой повести. Тургенев смеялся до слез и, наконец, сказал: "Это, наверно, Панаев выкинул такую штуку, не решился отказать какому-нибудь из своих аристократов, который пустился в литературу". Тогда Некрасов объявил, что не Панаев, а он рекомендовал эту повесть. Тургенев привскочил с места и с удивлением воскликнул: "Да это не может быть!" Когда же убедился, что это верно, то схватил себя за голову и жалобно произнес: "Что за помрачение нашло на меня! Как я так опростоволосился?" Тургенев объяснил, что он слушал чтение этой повести в блаженном одурении, сидя близко к одной барыне, которая ему очень нравилась, что он упивался ароматом ее головы, блаженствовал, когда она поворачивала свою голову к нему и тихо сообщала свои восторги от повести, что ее губки так близко были к его щеке. Он был мастер описывать свои ощущения в этом роде.

Некрасов в наказание засадил Тургенева исправлять высокопарные разговоры героини и героя в его хваленной повести. Тургенев, проработав немного, встал из-за стола, сказав: "Хорошенько надо было бы высечь автора, чтобы он не смел никогда браться за перо! Да уж и меня кстати!"

Сожалею, что не могу вспомнить название этой повести; помню одно, что она была напечатана в начале 50-х годов.

С тех пор Некрасов был осторожен и не полагался на похвалы Тургенева, когда тот брал под свое покровительство молодых людей, начинавших свое литературное поприще.

П.В. Анненков выступил на литературное поприще, кажется, в 1848 году, рассказом под названием "Кирюша" [123]. Тургенев стыдил Некрасова, что он срамит журнал, печатая такую

бездарность, и за глаза иначе не называл Анненкова, как "наш Кирюша". Кажется, в беллетристическом роде Анненков ничего более не писал [124].

Весной 1847 года Белинский уехал за границу, но неожиданно вернулся в конце августа [125], тогда как должен был пробыть там до тех пор, пока не установится зима.

Белинский пришел ко мне на третий день по своем возвращении. Я очень порадовалась, найдя, что он казался бодрее.

- Таким ли я был молодцом! - сказал мне Белинский. - Я еще измучился от дороги; шутка ли, скакал без передышки в Петербург и в страшном испуге, такую получил из дома телеграмму, думал бог знает что, а оказались все живы и здоровы, только напрасно перепугали меня. Впрочем, теперь я доволен; если уж вернулся, то надо засесть за работу; просто совестно, как я мало наработал в "Современник".

Я не советовала ему слишком налегать на работу.

- Надо же мне поквитаться, - твердил он, - я ужаснулся, когда сосчитал, сколько прожил денег.

Я переменяла разговор, чтобы отвлечь Белинского от его личных денежных дел.

- Каков Некрасов, - сказал он, - предлагает какую штуку - издание иллюстрированного альманаха! Ну, коммерческая голова у него! Одного боюсь, что такой альманах будет стоить очень дорого; как бы они не зарвались, и так уже каждая книжка "Современника" обходится почти вдвое дороже против первоначально составленной сметы расходов по журналу. Сколько теперь остается денег, чтобы дотянуть год? - спросил он меня.

Я не имела никаких сведений о хозяйственной части журнала. Белинский с самого начала издания "Современника" очень озабочивался денежными делами журнала, боясь, чтобы он не прекратился по недостатку средств. Мысль давать при "Современнике" приложения была новостью в литературе и произвела сенсацию в литературном мире: одни одобряли выдумку Некрасова, другие же печатно набросились на издателей "Современника", обвиняя их в том, что они прибегают к непозволительным средствам для приманки подписчиков, унижают журналистику в глазах публики, вероятно, скоро будут обещать своим читателям по бочонку селедок, по куску мыла и т.п. [126]. Можно судить, как обрадовались враги "Современника", когда объемистый "Иллюстрированный Альманах", уже процenzурованный, был задержан, и его вновь начали пересматривать в главном цензурном комитете.

Переворот в Париже 1848 года печально отозвался на русской литературе. Граф Бутурлин был назначен председателем цензурного комитета и получил, как говорили, самые строгие инструкции [127]. "Альманах" в руках цензуры стал чахнуть: из него выбрасывались целые статьи и калечились те, которые оставались. Мое первое произведение "Семейство Тальниковых", помещенное в "Альманахе", обратило особенное внимание Бутурлина. Он собственноручно делал заметки на страницах: "цинично", "неправдоподобно", "безнравственно", и в заключение подписал: "не позволяю за безнравственность и подрыв родительской власти".

Бесконечные задержки и перепечатки статей требовали много расходов, но в особенности было неприятно, что старые подписчики за 1847 г. и новые за 1848 г. сильно претендовали, не получая обещанного приложения, присылали в редакцию запросы и ругательные письма, а цензура не позволяла напечатать никаких оправданий в задержке обещанного приложения. Газеты и журналы поджигали подписчиков "Современника", уверяя, что издатели их надули, хотя все литераторы отлично знали причины задержки выпуска "Иллюстрированного альманаха". Некрасову и Панаеву, после усиленных просьб, дозволили только напечатать в журнале просьбу к подписчикам, чтобы они потерпели еще некоторое время, что редакция непременно выдаст приложение под названием "Литературный сборник". Даже прежнего названия не дозволила цензура [128].

Наконец, только в 1849 году было разослано подписчикам приложение. Но вся эта кутерьма с "Иллюстрированным альманахом" и глумление печати над "надувательством" "Современника" повлияли на подписку, так что из трех с половиною тысяч подписчиков убыло почти две тысячи [129]. Притом же в публике распространялись слухи, что "Современник" прекращается. Не помогли даже письма, разосланные всем подписчикам от издателей, что приложение вышло несвоевременно не по их вине. Некрасов страшно рисковал рассылкой таких писем, но это делалось очень секретно, и письма адресовались с разбором.

Я уже сказала, что мое первое произведение было запрещено. Никто из литераторов не знал, что я пишу, и я не хотела, чтобы об этом преждевременно толковали. Когда Белинскому, по обыкновению, были отосланы набранные листы "Семейства Тальниковых", то он потребовал, чтобы Некрасов немедленно пришел к нему. Белинский уже был так болен, что не выходил более из дому. Литературные передеряги и страшные гонения на литературу надорвали окончательно его силы, и чахотка развивалась с необычайной быстротой.

Поэтому я была крайне изумлена, когда вдруг совершенно неожиданно Белинский явился ко мне. Он долго не мог отдышаться, чтобы заговорить.

- Я сначала не хотел верить Некрасову, что это вы написали "Семейство Тальниковых", - сказал он, - как же вам не стыдно было давно не начать писать? В литературе никто еще не касался столь важного вопроса, как отношение детей к их воспитателям и всех безобразий, какие проделывают с бедными детьми. Если бы Некрасов не назвал вас, а потребовал бы, чтобы я угадал, кто из моих знакомых женщин написал "Семейство Тальниковых", уж извините, я ни за что не подумал бы, что это вы.

- Почему? - спросила я.

- Такой у вас вид: вечно в хлопотах о хозяйстве. Я рассмеялась и добавила:

- А ведь я вечно только думаю об одних нарядах, как это все рассказывают.

- Я, грешный человек, тоже думал, что вы только о нарядах думаете. Да плюньте вы на всех, пишите и пишите!

Белинский стал меня расспрашивать, что я намерена еще писать.

- Да пока еще ничего, очень может быть, что не буду в состоянии еще написать что-нибудь.

- Вздор! сейчас же пишите что-нибудь... Давайте мне честное слово, что засядете писать!

Для его успокоения я дала слово скоро приняться за работу.

Белинский, разговаривая, поминутно должен был останавливаться из-за кашля. Он просидел у меня довольно долго.

- А мне хорошо у вас... Как-то вспомнилось все прошлое, как я познакомился с вами, как вас дразнил, как мы приехали в Петербург. Каким я был тогда и чем сделался теперь! И думал ли я, что увижу такое гонение на литературу.

Белинский печально понурил голову.

- Ну, пора домой! И так без конца ворчали на меня, что я захотел выйти из дому; я во что бы то ни стало хотел видеть вас. Вернусь, и опять на меня будут ворчать, зачем я долго засиделся у вас.

И медленно встав с дивана, он протянул мне руку, говоря: "Прощайте, выполните же ваше честное слово - пишите! Бог знает, когда мы еще увидимся".

Я проводила Белинского до передней, и лакей свел его с лестницы и усадил на извозчика, хотя он жил очень близко от нас. Это было наше последнее прощание. Я уже более его не видала.

Последнее время я прекратила свои посещения в семейные дома, где собирался по вечерам кружок общих знакомых. Мне опротивели постоянные сплетни, и после одной из них, где был замешан Белинский, я сказала ему, что прекращаю свои посещения ко всем нашим общим знакомым, в том числе и к нему. Он одобрил мое намерение, сказав:

- В самом деле, это будет лучше. Меньше будет всяких разговоров и неприятностей.

Очень долго никто не догадывался о моем решении. Все приписывали случайности, что я не бывала ни у кого. Но зато, когда догадались, что я прекратила всякое сношение с дамским кружком, то так озлобились на меня, что перестали даже кланяться со мной на улице, оскорбясь тем, что не догадались раньше и бывали у меня. Мое писательство раздражило их еще более, и все кричали, что пишу не я, а Панаев и Некрасов, по моему желанию, выдают меня за писательницу.

Смерть Белинского, может быть, избавила его от больших неприятностей. Только по удостоверению его доктора К.А.Тильмана, что дни больного сочтены, Белинского оставили в покое. Носились слухи, что ему грозила высылка из Петербурга и запрещение писать. Не было ли это для него равносильно смерти?

Я забыла упомянуть, что в 1847 году, не помню, в каком месяце, в Петербурге проездом был Гоголь. Он изъявил Панаеву желание приехать к нему вечером посмотреть на молодых сотрудников "Современника", причем, конечно, сделал свою обычную оговорку, чтобы ни посторонних лиц, ни дам не было. За час до прибытия Гоголя, в кабинете Панаева собрались: Гончаров, Григорович, Кронеберг и еще кто-то, а из старых московских знакомых Гоголя были Боткин и Белинский [130]. Гоголь просидел недолго; когда он уехал, я вошла в кабинет и заметила, что у всех на лицах было недоумевающее выражение, и все молчали, один Белинский, расхаживая по комнате, находился в возбужденном состоянии и говорил:

- Не хотел выслушать правды - убежал!.. еще лучше. Я в письме изложу ему все!.. Нет, с Гоголем что-то творится... И что за тон он принял на себя, точно директор департамента, которому представляют его подчиненных чиновников... Зачем приезжал?

На другой же день вечером Белинский пришел к Панаеву и прочитал свое известное теперь письмо к Гоголю. При чтении письма находилось несколько человек приятелей, и копия с него тут же была списана. Письмо было передано частным образом Гоголю [131].